

## Пастернак в Бондюге



Менделеевский след в судьбе Бориса Пастернака Химзавод имени Л.Я.Карпова в Менделеевске не случайно называют «дедушкой русской химии». Еще в августе 1868 года это предприятие выдало в промышленных объемах первую продукцию – серную кислоту. Но его историю можно признать еще более давней, если начать отсчет с родоначальника основателей химического производства в крае, крестьянина из деревни Бондюга Елабужского уезда Вятской губернии Егора Максимовича Ушкова. Он еще в первой четверти XIX века, занявшись изготовлением красителей для ткани, сколотил немалый капитал, позволивший его внуку Капитону Яковлевичу начать строительство завода. Известно, что Капитон не получил достаточного образования. Но, обладая острым природным умом и беспримерной честностью, он приобрел в торговом мире достойное уважение и создал своему сыну Петру Ушкову надежный фундамент для успешного развития бизнеса. **БОНДЮГА И ЕЕ ГОСТИ** Сколько выдающихся людей связаны с историей завода! Например, в 1893 году здесь побывал Дмитрий Иванович Менделеев, именем которого впоследствии был назван город. Он дружил с Петром Капитоновичем Ушковым, в Бондюгу приезжал с сотрудниками научно-технической лаборатории Морского министерства для проведения опытов по производству пробной партии пироколлодия. На химзаводе в свое время работал ученый-биохимик Борис Ильич Збарский, будущий бальзамирощик тела Ленина, академик. В 1918 году здесь побывала Надежда Константиновна Крупская, которая назвала рабочих предприятия единомышленниками по духу. Даже известный поэт и писатель Борис Пастернак жил в Бондюге и работал на заводе. В кабинете нынешнего руководителя химзавода Дамира Шамсина висит графический портрет уже немолодого с виду, задумчивого мужчины. Это Лев Яковлевич Карпов, первый «красный» директор знаменитых химических заводов Ушковых в поселке Тихие Горы на Каме (этот населенный пункт и прилегающая к нему речная пристань входят в состав города Менделеевска, бывшей Бондюги). Заметив наш интерес к портрету, Дамир Рафисович рассказал, что написан он Леонидом Осиповичем Пастернаком – отцом известного поэта, писателя и переводчика Бориса Пастернака. В кабинете висит копия, подлинник же хранится в заводском музее, и в углу портрета, если присмотреться, можно разобрать автограф художника. Кстати, Леонид Осипович Пастернак был талантливым российским живописцем и графиком, мастером жанровых композиций и книжной иллюстрации, педагогом. Бывал ли он в Бондюге? Скорее, нет. Портрет Карпова Пастернак-отец рисовал, очевидно, в Москве, куда Лев Яковлевич переехал в 1918 году и работал вплоть до своей смерти в 1921 году (ему было 40 с небольшим) на ответственных правительственных должностях. Смеею предположить, что создавался этот портрет с подачи сына Бориса, который дружил с Карповым. Об этом периоде жизни Бориса Пастернака не все

знают. Вот и в материалах Википедии – популярной ныне интернет-энциклопедии – нет упоминания о пребывании поэта в Бондюге. Говорится лишь о том, что зиму и весну 1916 года он провел на Урале. Между тем с октября 1916 по март 1917 года в возрасте 26 лет Борис Леонидович жил в Тихих Горах на Каме и работал на химзаводе, директором которого в то время как раз и был Лев Карпов – знаменитый инженер-химик и революционер. Об этом нам рассказали специалисты Менделеевского краеведческого музея. Вернувшись в Казань, первым делом нашла книгу Евгения Пастернака (сына поэта) «Борис Пастернак. Материалы для биографии». Там прочитала строки Бориса Леонидовича: «Я ездил на Урал и в Прикамье. Одну зиму я прожил во Всеволодо-Вильеве... другую перезимовал в Тихих Горах на Каме, на химических заводах Ушковых. В конторе заводов я вел некоторое время военный стол и освобождал целые волости военнообязанных, прикрепленных к заводам и работавших на оборону». МАЛЕНЬКИЙ МАНЧЕСТЕР НА КАМЕ Как оказался поэт в глухой провинции? Оказывается, Борис Леонидович приехал сюда к Борису Збарскому, другу семьи Пастернаков. Збарский в то время работал над получением медицинского хлороформа для наркоза, по приглашению Льва Карпова перебрался в Бондюгу, позвав с собой и Бориса Леонидовича. Это может показаться странным: человек призывного возраста разъезжает по стране, в то время как Россия участвует в Первой мировой войне. Казалось бы, получай, господин Пастернак, повестку и надевай шинель, отправляйся в действующую армию. В чем же дело? На это есть ответ самого Пастернака: «...В июле (1914 года. – Ред.) я ездил в Москву на комиссию, призываться, и получил белый билет, чистую отставку по укорочению сломанной в детстве ноги», – писал он друзьям. Однако, когда война вступила в кульминационную фазу, возник риск нового призыва. В этот момент приглашение Збарского стало просто спасением для Пастернака. Ведь завод имел оборонное значение, что гарантировало поэту бронь. В небольшой комнате на втором этаже заводской конторы размещался рабочий кабинет Пастернака. На его письменном столе – чернильница, пресс-папье, листы рукописи, книги. В период своего пребывания в Тихих Горах Борис Леонидович не только работал на заводе, но и много писал: стихи, прозу, занимался переводами. «Это первый год, что я решил серьезно начать учиться писать книги», – сообщал Пастернак в феврале 1917 года в письме другу Сергею Боброву. «...Здесь так спокойно и ясно, что страшно просто! А Кама какая, – писал Пастернак родителям в Москву 11-13 октября 1916 года. – Со дня приезда в Казань до нынешнего – ясные солнечные погоды, ровная, теплая безоблачность. На днях поступлю в контору. Кем – еще не знаю...» А вот каким виделся Пастернаку директор Лев Яковлевич Карпов: «Английский сероглазый Джек с проседью, широкие плечи, высокий, окутанный дымом, приятно-глухим грассированием, – два-три взмаха футбольных штиблет: столовая – кабинет, два тех же взмаха: кабинет – столовая и, на ходу, какая-нибудь мальчишески недоконченная мысль, размашисто и косолапо созданная за столом, донесенная до кабинета и принесенная потом обратно». Надо отметить, что Пастернаку не понравилась местная природа: «Против Урала и прошлогоднего житья моего – мое нынешнее местопребывание скучнее могилы... Лысые холмы, дюжины с полторы фабричных труб, люди, прошедшие «всю жизнь в газу», безлесные татарские деревни. Словом, все располагает к работе. Я и работаю». Местные осенние картины стали темой двух стихотворений. Они датированы 1916 годом, но были напечатаны лишь через пять лет в журнале «Жизнь» под названием «Над Камой». За первый месяц жизни в Тихих Горах Пастернаком была также переведена пятиактная трагедия Суинберна «Пьер де Шателляр», первая в его трилогии «Мария Стюарт», рисующая жизнь Марии в Париже при дворе французского короля. ...Широко распространено мнение, что прообразом города Юрятин из «Доктора Живаго» является город Пермь. А может, Бондюга, куда поэт приехал в октябре 1916 года? По крайней мере, именно здесь его застала Февральская революция 1917 года. «Маленький Манчестер на Каме» – так тогда называли этот заводской городок – сообщался с внешним миром по водному пути. Пристань Бондюга переставала действовать с осеннего ледостава до конца весеннего ледохода, и в эти месяцы почту возили лошадьми из Казани. В Елабугу, где помещались государственные и местные учреждения, главная контора Ушковых, с трудом можно было добраться за день. Туда чаще ездили с ночевкой. НА СМЕРТЬ ЕМУ ИДТИ НЕ ПРИДЕТСЯ... Как известно, из всех предложенных мест поэт выбрал в Бондюге военный стол. «Работа была трудной, ответственной. Дела освобожденных от военной службы были запутаны, – пишет в своей

книге об отце Евгений Борисович Пастернак. – Призыв следовал за призывом. Елабужский комитет заседал два раза в неделю». А вот свидетельства самого поэта: «...Если из трех или четырех тысяч числящихся в нашем уезде и двух или трех в соседних уездах Казанской и Уфимской губернии пропустишь или ко времени не подашь ходатайства в комитет хоть на одного, то именно этот один и будет взят в солдаты, и винить будешь в этом себя самого – и к тому же будет это бесчеловечно и несправедливо. Вот сегодня, хотя бы, брякнулся один из таких Миннибаев в ноги, чтоб я его на смерть не посылал. Не беспокойтесь, на смерть ему идти не придется. Все, что можно, делаю я, в пределах «законности». Но Л.Я.Карпов, директор, щепетилен и мнителен до крайности, что трудно вяжется с его умом, добрым сердцем и способностями недюжинного интеллигента. Жертвой этих двух черт его сделался было и чуть не остался и я: списка именного на собственную мою персону не провели; в отсрочке мне отказали...» Таким образом, Пастернаку пришлось в первых числах декабря ехать на призывную комиссию в Елабугу. С ним отправился Збарский – для поддержки. Пастернак с присущим ему юмором описал последовавшую затем процедуру призывного медицинского освидетельствования Елабужской комиссии: «...Когда меня брали в армию и я стоял раздетый перед приемочной комиссией, меня даже спросили, – грамотный ли я... Некоторые из членов ее стали бормотать: «Пастернак, Пастернак...» Резкий конец этому бормотанью положил молодой военный врач в форме, бросив в сторону всех этих усов, эполетов и гражданских воротников сухо и отрывисто – «это знаменитый русский художник»... Этот военный мною завладел окончательно, стал меня класть, мерить, находить какие-то атрофии и т.д. и очень торопился, потому что городской врач... к крайнему моему изумлению и ужасу стал протестовать, говорить о каких-то уничтоженных статьях, о неправильности и т.д. А этот военный врач, даже на врача и не похожий... – вселивший в меня немало опасений в тот миг, как я его за столом увидел, офицер этот, ничего обо мне не знавший, меня все-таки отстоял... Я ощутил в себе поток самой нервной какой-то признательности к этому молодому офицеру с таким открытым лицом за то, что он знает тебя. Мне хотелось познакомиться с ним потом: но лошади были поданы, и надо было до темноты выехать из Елабуги. Я узнал, что его зовут Морев». К Рождеству запутанные дела «военного стола» были разобраны и приведены в порядок. Очередная мобилизация закончилась, и Карпов предложил Пастернаку к 7 января 1917 года сдать свои обязанности одному из местных служащих. В рождественские свободные дни им овладело радостное предчувствие нового. Обещание конца сидения в конторе, праздничные дни – для изголодавшегося по работе этого было достаточно. В первом письме 1917 года (3 января) он писал родителям, что ждет от этого едва наступившего года новых работ и изданий, и сообщал свою программу. Впрочем, были и неприятности: «...Меланхолия нахлынула страшная, потом взялся за продолжение начатых «проз», потом вдруг налетело что-то такое, в чем я и сейчас себе ясного отчета дать не могу, и под гонением этого последнего я стал без передышки писать какую-то крупную вещь в стихах». В феврале 1917 года произошли революционные события, а это означало, что война заканчивается. В марте Борис Пастернак вернулся в Москву. Еще раз на территории Татарии, в Чистополе, поэту довелось жить в годы Великой Отечественной войны. Но это всем известный факт, вот уже много лет в Чистополе работает музей Бориса Пастернака. В Менделеевске о таком пока только мечтают. Автор статьи: КАРТАШОВА Людмила  
Дата:19.05.2012 Выпуск: № 96 (27253)

Источник: <http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-38521/>

© Газета Республика Татарстан